Яков Минченков

Брюллов Павел Александрович

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Художники говорили о Брюллове, что он хороший математик, окончил университет и слушал лекции по математике в Англии. Математики уверяли, что он музыкант, кончивший консерваторию, а музыканты возвращали его снова в лоно художников. Где учился и что окончил Брюллов – этого я не знаю; похоже на то, что он прошел и университет, и Академию художеств, и консерваторию. Уж очень одаренной была его натура, и казалось, что ему ничего не стоило изучить все три специальности…»

- Яков Данилович Минченков
- Примечания

Яков Данилович Минченков
Брюллов Павел Александрович

Художники говорили о Брюллове, что он хороший математик, окончил университет и слушал лекции по математике в Англии. Математики уверяли, что он музыкант, кончивший консерваторию, а музыканты возвращали его снова в лоно художников. Где учился и что окончил Брюллов – этого я не знаю; похоже на то, что он прошел и университет, и Академию художеств, и консерваторию.

Уж очень одаренной была его натура, и казалось, что ему ничего не стоило изучить все три специальности. И действительно, он писал картины, обнаруживал большие знания в математике и играл на виолончели и рояле.

Универсальность его знаний, сложность интересов и отзывчивость на все вопросы современности отрывали его от каждой из специальностей и не давали ему углубиться в ремесло искусства, почему он и не выработался в большого мастера, а широкая жизнь и возможность без тяжелого труда пользоваться ее благами способствовали его легкому отношению к искусству, которое он любил без печали и гнева, как усладу своей красивой жизни.

В нем сидела высокая европейская культура, которую он унаследовал от родных и закрепил образованием при счастливых условиях своей жизни. Отец его был архитектором, а дядя – знаменитый Карл Брюллов, автор картины «Гибель Помпеи».

Всем известен автопортрет последнего; красивое лицо с прекрасно выраженным лбом и повисшая тонкая изящная кисть руки. К Павлу Александровичу перешли родовые черты – он был очень красивым человеком.

Родители его имели достаток, ума ему было не занимать стать, среда высокохудожественная и ученая, и оттого вылилась такая фигура, которой можно было позавидовать.

Брюллов был неизменным членом Правления Товарищества и сотрудником кассира Лемоха в счетоводстве товарищеских сумм.

Если у Лемоха происходила какая-либо путаница в счетоводных книгах, он звал на выручку Брюллова. Тот приходил, раскрывал все книги и начинал волноваться. Павел Александрович был горячий человек, но горячность его была безобидная, и на нее никто не обращал внимания. Он и горячился и смеялся в одно время, таков в большинстве был и характер его речи.

Он говорил Лемоху:

– Кирилл, как же это можно? Ты не наметил себе главного и начинаешь считать все с самого начала и – нет, как же это так? Ну вот! Ах!

Брал бумагу, карандаш и начинал выписывать цифры.

Лемох жаловался:

– Посчитаю – то у меня лишних рубль семьдесят копеек оказывается, а то недостает около трехсот рублей.

Брюллов кипел:

– Да нет же, так нельзя! Ты сюда записал, а вот туда нет. Пойми же, наконец, что в приходе значится, а в расходе… нет, ей-богу, так никуда не годится!

Опять выписывал цифры, задумывался и неожиданно говорил:

– А ведь это, пожалуй, правильно.

– Что? Ты находишь что все правильно? – удивленно спрашивал Лемох.

– Ну да, он так это говорит.

– Постой, кто же это говорит?

– Как – кто? В третьем акте Гамлет.

– Вот те раз! Да это ты, Павел Александрович, в театре был, вспоминаешь про Гамлета, а про мои книги уже и забыл? – в отчаянии говорил Лемох.

И действительно, Павел Александрович думал уже о Гамлете, а про счетоводство забыл. Это была его отличительная черта. У него мысли, воспоминания, планы текли в голове непрерывной волной и постоянно менялись. Бывало даже так, что он начинал говорить об одном, а потом речь его перестраивалась, и вы неожиданно слышали совсем другое. Мог во время делового, прозаического разговора запеть арию из оперы.

Лемох возвращал его к скучной прозе, к цифрам, и Брюллов снова писал и быстро находил ошибку.

Вот только заполучить к себе Брюллова было делом нелегким. Он давал слово быть у вас непременно, но в этот же вечер отправлялся на шахматную игру, во время которой находил у себя в кармане билет в театр, ехал туда, хотя на последний акт, там вспоминал о своем обещании быть у вас и, не досидев до конца, торопился исполнить свое обещание.

Мы это знали и, когда собирались по делу у Лемоха, то старались приехать попозже и садились за чай.

Лемох говорил: «Не будем спешить, все равно Павла Александровича раньше одиннадцати не дождемся, он до нас должен весь Петербург объехать».

И надо представить себе положение Волкова, когда он

приехал с Брюлловым за границу. Это было не путешествие, а сплошной ряд анекдотов, при воспоминании о которых Волков от нервности тряс обеими кистями рук.

Они приехали в Берлин и остановились в гостинице. Волков не знал немецкого языка и во всем полагался на Брюллова. Бродили по городу. Павел Александрович вдруг останавливается и обращается к Волкову: «Меня интересует вопрос – где, собственно, мы остановились?» Они заезжали в несколько мест, а где остановились – Брюллов не обратил внимания ни на улицу, ни на название гостиницы. Сколько трудов стоило им попасть к своему пристанищу!

Заходят в магазин. Брюллов спрашивает себе белье. Продавец, заметив, что перед ним русские, предлагает и показывает всякую ненужную чепуху, надеясь ее сбыть.

Павел Александрович выходит из себя и по-русски кричит: «Я же вас русским языком просил не показывать мне всякую дрянь!» Продавец вытаращил на него глаза, а Волков толкает Брюллова: «Да ты что, в бреду что ли? Думаешь, что мы на Гороховой улице? Какой черт, тут твой русский язык понимает? Гляди в окно, сам говорил, что это улица Под Липами». А Брюллов: «Да, да, Унтер ден Линден, еще Гейне говорил… дай вот вспомнить». Пришлось Волкову просить: «Павел Александрович, ты того… пойдем-ка, ради бога, отсюда, а то подумают, что русские свиньи спьяну сюда забрели».

В парикмахерской у них разыгрался целый водевиль.

Брюллов захотел побриться и Волкову посоветовал хоть на шее космы подстричь, так как на голове у него и тогда уже ничего не было. Приходят и садятся перед зеркалами. Брюллов объяснил парикмахерам, что надо с ними сделать. Те переглядываются между собой, но готовятся приступить к делу.

Волков смотрит – парикмахер около бороды его с ножницами похаживает и на столике бритвенный прибор приготовил. А бороду он, как Черномор, берег пуще зеницы ока.

Говорит Брюллову: «Смотри, у меня тут что-то неладное начинается». Брюллов успокаивает: «Сиди, сиди я им подробно объяснил».

Не успел он это сказать, как парикмахер щелкнул ножницами – и половины бороды с правой стороны как не бывало. Волков вскочил и завопил, Брюллов в недоумении. Оказалось, что и тут он сплошал: вместо себя указал на Волкова и велел его бороду побрить, а у себя просил только волосы подстричь. Едва потом уговорили Волкова дать подравнять бороду с другой стороны.

Наконец, Волкову надоели всякие приключения с Брюлловым, и в Вене он объявил ему: «Ты как хочешь, а меня отпусти домой.

Выбери прямой поезд до границы и усади, а то я живым на родину, кажется, не доберусь».

Брюллов говорит: «Мне тоже надоело, едем вместе». Заказали извозчика к шести часам вечера, по дороге Брюллов новые ноты купил. Подходит шесть часов, приезжает извозчик; Волков с вещами спустился на лифте вниз, а Павел Александрович остался расплатиться с прислугой.

Ждет Волков Брюллова внизу, а его все нет и нет. Извозчик на часы показывает, что опоздают, мол. Что делать? Волков подымается наверх узнать в чем дело, и видит: сидит Павел Александрович за пианино и разыгрывает по новым нотам какую-то оперную арию.

Волков волнуется: «Павел Александрович, что ты делаешь? Там извозчик ждет, а ты музыкой занимаешься. Опоздать к поезду можем».

А Брюллов: «Ах, да… да – извозчик…» Смотрит на часы и добавляет: «Уже, брат, опоздали, а ты сядь да послушай это место, где Патти пела».

Едва на другой день из Вены выбрались.

В силу постоянной смены мыслей и речь Брюллова была обрывистой и даже иногда казалась нескладной. Но когда вы проследите за всеми обрывками его речи, то увидите, сколько у него нарождается одновременно мыслей, противоречий, которыми он мыслит вслух.

Если же остановится на чем-либо твердо и захочет это изложить ясно, то и речь его становится ровной, последовательной, как его письменное изложение в каком-либо вопросе.

Обыкновенно вначале слышишь интраду: «Как это? ах да, нет… вот это будет, пожалуй, так…» – а затем уже пойдет изложение.

Он умело и изящно мог вести и салонный разговор с дамами. Не было у него никакой рисовки, все выходило естественно и просто.

При всем этом нельзя было не видеть, что вся его культурность, выучка и знания не могли бороться с натиском менее культурных, но более даровитых натур, поднявшихся из глубоких недр и передававших народные запросы.

Побеждал и неумевший держаться на лощеном паркете разночинец и выходец из крестьянства. Казалось, что такие натуры, как Брюллов, нужны были для закваски, как грибок в образовании питательного и целительного кефира.

По нему и ему подобным равнялись входившие в круг художественных запросов еще сырые и еще не сглаженные

культурой натуры.

На выставках в последнее время Брюллов почти не участвовал, и только на этюдной выставке увидали его старые этюды, из которых было видно, что он обладал художественной натурой, чутьем художника.

Часто он отдавался музыке, участвовал в квартетах и трио Товарищества. Горячился ужасно при ошибках партнеров или от непонимания ими стиля какого-либо классика-композитора. Слышалось: «Ах, да нет же! Здесь вот именно такая фраза… ну вот – легкий жанр, ну вот-вот… как вам сказать? вот это!»

Бросал смычок и ловил в воздухе пальцами, стараясь ими выразить легкость музыкальной фразы.

Классическую камерную музыку он, кажется, знал всю на память и мог напеть, у кого, где и как написано в разных партиях. Утопал в Гайдне, Моцарте и Бетховене. Из русских композиторов признавал главным образов Глинку, на музыке которого воспитывался с детства. О Глинке не мог говорить спокойно. Когда вспоминал любимую вещь из Глинки, подходил к кому-либо с сжатыми кулаками, напевал и доказывал: «Вот это – чувствуете, как сильно? Здесь весь народ, вся страна, ее природа, и я вот не могу не преклоняться перед этой мощью! А лирика? Да, да, где вы найдете такую искренность, задушевность?»

В такие минуты его трудно было усадить за игру, притушить его пыл. А когда на музыкальные вечера Павел Александрович привозил еще брата своего, игравшего в квартетах на альте, ну, тогда была беда!

Полвечера они занимались разбором музыкальных произведений и вспоминали, кто, когда и что пел или играл. И за ужином Брюллов обращался к брату: «Ты помнишь это фугато в квартете Гайдна? Там сперва виолончель, а потом ты вступаешь». А брат сейчас же напевал это место. Потом вспоминали певца Петрова, разбирали оперы Глинки по косточкам.

Брюллов вместе с Лемохом служил в бывш. Музее Александра III хранителем картинной галереи.

В 90-х годах в Москве с аукциона распродавалось имущество Саввы Мамонтова, известного мецената искусства, обанкротившегося в своих железнодорожных и заводских предприятиях. В числе других вещей продавалась и его картинная галерея. По поручению музея на аукцион приехал и Брюллов с Лемохом, чтобы приобрести картину В. Васнецова «Скифы». На приобретение картины было отпущено пять тысяч рублей. На аукцион явились коллекционеры и спекулянты, продававшие за границу картины известных художников по высокой цене. У них было намерение во что бы то ни стало купить «Скифов», хотя бы и

за большие деньги. Картина могла не достаться музею.

Тут сыграла роль внешность Брюллова. Он и Лемох сели, как будто незнакомые, в разных местах и во время продажи «Скифов» стали подымать цену. На всякую предложенную при торге цену Брюллов говорил одно только слово: «сто». Спекулянты подняли уже цену до четырех с половиной тысяч, а Брюллов все бросал свое «сто». Спекулянты спрашивают Лемоха: «Кто этот господин, похожий на иностранца, который говорит только одно слово «сто»?» Лемох отвечает: «Это американец и знает в деньгах только это слово».

Шутка помогла делу: спекулянты решили отказаться от дальнейшего повышения цены, так как им не одолеть американца. Каковы же были их удивление и досада, когда Брюллов, расплачиваясь, заговорил чистейшим русским языком.

Тем, что называют порядочностью и щепетильностью, Брюллов обладал в высшей степени. При всей своей горячности он никогда не позволял себе оскорбить или обидеть другого, а также не допускал и по отношению к себе чего-либо обидного или тона недоверия.

Один раз при баллотировке картины экспонента он дал отрицательный голос. Ему кто-то заметил, что он изменил теперь мнение об этом художнике, что будто бы в прошлом году он голосовал за него.

Павел Александрович вскипел: «Во-первых, в прошлом году он мог прислать лучшие вещи, а во-вторых, и этого не было, так как общий характер его работ и тогда был для меня отрицательным».

Оппонент настаивал на своем.

Павел Александрович оскорблено вскричал: «Так я, значит, говорю неправду, и вы уверенно говорите это мне в лицо?» Потребовал прошлогодний баллотировочный список, который, к счастью, сохранился, и из него все увидели, что и в прошлом году он не давал голоса. Оппоненту пришлось извиниться.

Для дел, которым Брюллов придавал значение, которыми он интересовался, у него была твердая память, а в мелочах, в том, в чем он не видел существенного и что не было для него дорого, он был забывчивым, рассеянным.

Ну, что такое опоздать там, где от этого никакого урона не будет, или не сделать того, что, в сущности, и цены никакой не имеет? Для него ценно только значительное, то, что удовлетворяет его важные запросы. Остальное все – мелкая формальность.

Раз у Лемоха собралась ревизионная комиссия для проверки кассы Товарищества. Ждали Брюллова, которого взялся доставить

вовремя живший в одном с ним доме Волков.

Ждем долго, их нет. Наконец, являются. Волков трясется, ругается, машет руками. Потом смеется.

– Это все он: нет, как вам понравится? Благодаря покорно! Спросите у него, как все было.

А Брюллов вытирает платком с усов намерзшие сосульки, целуется с товарищами и извиняется:

– Ну да, вот действительно, вышло как-то так!!

А вышло так же, как в Вене. Едут они с Волковым в санях мимо одного дома. Брюллов посмотрел на освещенные окна и вспомнил:

– Подожди, – говорит, – Ефим Ефимович, я обещал, кажется, сегодня здесь быть, так зайду и скажу, что не смогу, еду по делу.

– Ладно, – соглашается Волков, – только поскорее, холодно.

Брюллов ушел, и нет его. Проходят минуты, полчаса, Волков мерзнет в санях и наконец решает искать его. Но где, в какой квартире? Их в доме много; звонил в одну, другую, третью – нигде нет Брюллова, и только на самом верху ответили, что он здесь.

Волков входит в гостиную и застает там спокойно сидящего за шахматным столом Павла Александровича с сигарой во рту. Увидав Волкова, он схватился за голову:

– Ну да, да! Ехали – Волков… ревизионная комиссия! А тут вот посмотри – шах королеве наклевывается.

Рассказывая об этом, Волков спрашивает у Брюллова:

– Павел Александрович, ну скажи, милочка, что мне с тобой делать?

Но что с ним можно было сделать, когда он в случаях, связанных с искусством, не обращал внимания даже на присутствие самодержавного царя. За день до открытия передвижную выставку посетил Николай II. До его приезда, по обыкновению, помещение выставки осмотрели два здоровенных агента из охранки и шустрая дама с ридикюлем оттуда же. Обошел зал и градоначальник.

У подъезда «гороховые пальто» изображали народ и кричали «ура», когда было надо.

На выставку допускались только члены Товарищества.

Князь Владимир указывал царю картины, на которые следовало обратить внимание.

Перед ними царь задерживался на несколько секунд и безучастно шел дальше. На этот раз он остановился перед одной большой картиной и неожиданно спросил: «Кто писал?»

Картина была нового экспонента. Сопровождавшие царя и князь Владимир не знали его фамилии и обратились к Брюллову.

Тот тоже не знал автора и, подойдя к картине, нагнулся, чтобы прочитать подпись, да так в этой позе и застыл. Потом медленно подымает голову, водит глазами по картине, начинает ее гладить руками, тихонько повторяя: «Ну да, да, это так… конечно, лессировка».

Царь ждал, ждал ответа и, не дождавшись, с недовольной миной ушел в боковую галерею.

Лемох дергает Брюллова за фалды фрака: «Павел Александрович, что с тобой?»

А Брюллов, начав читать подпись на картине, не разобрал ее и, заинтересовавшись живописью, стал рассматривать и изучать фактуру, а о царе и позабыл.

Апофеозом рассеянности Брюллова был случай, которому можно было поверить лишь из слов самого потерпевшего – художника Лемана.

Этого товарища-передвижника мы до девяностых годов совсем не видали. Его знали лишь старики-передвижники. Он все время жил в Париже и только присылал к нам на выставку незначительные вещи. Лемана обещал привезти к нам на собрание Брюллов. Они приехали с большим опозданием, прямо к ужину.

Большинство из нас впервые увидало высокого, но уже слабого старика Лемана. Знакомились с ним и спрашивали, какое впечатление произвел на него Петербург после долгой его жизни за границей.

Леман медленно-медленно жаловался слабым голосом:

«Ужасно, ужасно, холодно, ветер и снег!

– Разве у вас нет шубы? – участливо спрашивали товарищи.

– О нет, мне дали здесь хорошую шубу, но очень велика и тяжела, и я в ней чуть не замерз.

– Как, где? Ведь вам недолго пришлось ехать от квартиры.

– Ах, долго! долго. Я долго сидел на тумбе.

– Но почему на тумбе?

– Я сидел там на тумбе и озяб.

Дальше выясняется то, что могло случиться только с Брюлловым. Он заехал за Леманом, и оба в шубах едва уместились на маленьком сидении саней.

Снег, вьюга – подняли воротники. Павел Александрович мысленно углубился в последние шахматные ходы или фугу Гайдна и не заметил, как в глухом переулке около Тучкова моста при повороте Леман вылетел из саней прямо в рыхлый снег.

Отлежавшись, Леман поднялся. Крутом ни души. Он уселся на тумбу у ворот какого-то дома и ожидал, когда Брюллов вернется и заберет его.

А тот спокойно ехал, не замечая отсутствия Лемана. У Общества поощрения художеств вылез из саней и стал расплачиваться.

– А где же другой барин, что с вами ехал? – спросил у него извозчик.

Тут только Павел Александрович вспомнил про Лемана, сел обратно в сани и велел ехать назад по той же дороге, искать потерю.

Извозчик удивлялся всю дорогу: «Ну и барин! Я хоть спиной сидел, а он – скажи на милость – рядом живого человека утерял».

Лемана нашли сидящим неподвижно на тумбе и опять повезли на Морскую. Он теперь держался за Брюллова обеими руками.

Служба Павла Александровича в музее протекала неважно. Он опаздывал на нее и не мог уложиться в ее формальные рамки, отсиживать определенные часы и делать из ничего видимость серьезной работы.

При каждом случае он отклонялся в сторону живого дела, при разговоре в нем закипала художественная натура, он с жаром отстаивал свои взгляды на искусство, не считаясь с мнением заведующего музеем князя Георгия, к слову сказать – никак не разбиравшегося в искусстве.

Когда Брюллов проходил по залам музея и слышал от невежественных в искусстве людей оценку художественных произведений, он не мог удержаться, чтобы не вступить в спор.

Приходилось слышать, как он кипятился:

– Позвольте, вы говорите… да, возможно и так подходить, но ведь это же не то…

– Ах, боже мой! Да так же нельзя! Давайте же это оставим. Вы берете идейную сторону, – будем о ней говорить… а так… ну вот… да нег же, простите!

Глаза при этом широко раскрывались, он наступал на своего противника со сжатыми кулаками, и когда тот, пятясь, соглашался с его доводами, Брюллов внезапно успокаивался, лицо его озарялось доброжелательной улыбкой, и он добродушно повторял как бы про себя: «Ну да, вот, вот…»

Как ни полезен был Брюллов для музея своими универсальными знаниями, образованием, но как чиновник, не отвечающий определенным требованиям казенной службы, он долго не мог удержаться на своей должности. Князю Георгию нужен был помощник служилый и услужливый, не противоречащий, и он сделал на это намек, которого было достаточно, чтобы Павел Александрович немедленно подал в отставку.

Он поселился на даче недалеко от Петербурга и там доживал свои дни. Заметно ослабел, стал ходить короткими, быстрыми шажками; пальцы утратили ловкость движений, листы нот он переворачивал с задержкой и как-то всей кистью, сжатой в кулак, при игре в квартете более всего сердился на смычок.

Смычок не прыгал в стаккато, не пел сильным вибрирующим тоном, выходило все скользяще, слабо.

Брюллов сердился: «Ах, черт, здесь бы надо вот так, а в смычке или пружина ослабела, или…» – и досадливо махал рукой.

Всё чаще и чаще приходилось ему выражать музыкальную мысль рукой в воздухе.

О, какая злая шутка старость! Она притупила выражение сильной и красивой мысли, намерение приводила к бессилию и гордую фигуру окутывала жалостью.

Хорошо, что у Брюллова все же не появилось озлобления на наступившую слабость, она не сделала его брюзгливым, ворчливым стариком. Житейская усталость лишь смягчила его порывы. Он стал более созерцательным и радостно просветленным, с его лица не сходила приветливая улыбка.

Но почему его так долго не видно?

Говорят – лежит уже Брюллов тяжело больным.

У него хранились счетоводные книги и чековая книжка на деньги Товарищества. После Лемоха он был казначеем. Как быть? Взять книги – значит указать ему на опасность его положения, он поймет близость конца.

Решено было не беспокоить его денежными расчетами и обходиться проходящими по выставке суммами.

Дело – делом, а жизнь и спокойствие больного товарища были для нас всего дороже.

Но Брюллов был аккуратен и берег свое доброе имя.

Внезапно на квартире Дубовского раздался звонок телефона.

Кто звонит?

– Это Брюллов, приезжайте, я умираю.

Почуяв свой конец, он слабой рукой привел все счета в порядок, подписал чек на всю сумму и буквально дополз к телефону, чтобы вызвать к себе Дубовского, который застал Павла Александровича при последних минутах.

Когда подали в банке чек, там сказали: «Только зная передвижников, мы верим и выдаем по этому чеку деньги. Подпись вашего кассира не из этой деловой жизни – одна волнистая черта».

Получаю записку от Маковского: «Приходите сегодня, помянем Павла Александровича».

Застаю у него наш кружок товарищей-передвижников, а среди гостей – нового молодого виолончелиста.

Играли в память Брюллова трио Чайковского. Виолончелист передавал его сильно и красиво, но не было прежней, как с Брюлловым духовной близости, не было уже жаркого спора у исполнителей. Вошло в состав наш хоть и хорошее, но чужое.

На рояле лежали партии квартетов Гайдна, Моцарта, Бетховена, в хорошо знакомых парусиновых переплетах, а в углу полуосвещенной мастерской стояла оставленная Брюлловым виолончель с оборванной одной струной.

– Это хорошо, батенька мой, что мы помянули Павла Александровича его любимым трио, а кто нас им помянет? Кто из нас сыграет его последним? – сказал Маковский и надолго замолк.

Молчали кругом и все другие.

Примечания

Брюллов Павел Александрович (1840–1914) – живописец-пейзажист. Окончил Петербургский университет, после чего учился в Академии художеств (на архитектурном отделении). На передвижных выставках выступал с 1872 по 1914 г. (с 1874 г. – член Товарищества). П. А. Брюллов был казначеем и членом Правления Товарищества. В 1897–1912 гг. занимал должность хранителя бывш. Музея Александра III. С 1893 г. – действительный член Академии художеств.

Отец его был архитектором… – Александр Павлович Брюллов (1798–1877) – архитектор и живописец-акварелист, брат К. П. Брюллова.

Патти Аделина (1843–1919) – знаменитая итальянская певица.

Петров Осип Афанасьевич (1806–1878) – замечательный русский певец (бас).

Мамонтов Савва Иванович (1841–1919) – промышленник, строитель железных дорог и финансовый деятель; был крупным меценатом, любителем, скульптором, драматургом и музыкантом. Дом Мамонтова в Москве и его подмосковное имение Абрамцево было центром, объединившим группу выдающихся русских художников, музыкантов, деятелей театра (М. М. Антокольский, В. М. Васнецов, М. А. Врубель, К. А. Коровин, М. В. Нестеров, И. Е. Репин, В. А. Серов, Ф. И. Шаляпин и др.). Многие начинания Мамонтова сыграли значительную роль в развитии русской культуры: его домашний театр, основанная им в Москве Частная опера, кустарная художественная мастерская в Абрамцеве и др. В связи с финансовым банкротством С. И. Мамонтов был в 1899 г. арестован, но судом оправдан и освобожден.

Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) – выдающийся живописец. Окончил Академию художеств в Петербурге. Начав свой творческий путь в 1870-х гг. произведениями бытового жанра («С квартиры на квартиру», «Военная телеграмма», «Преферанс» и др.), позднее обратился к образам национальной истории, русской былины и народной сказки, посвятив им почти целиком свое дальнейшее творчество (картины «После побоища Игоря Святославича с половцами», «Аленушка», «Витязь на распутье», «Богатыри»). Создал также ряд портретов, костюмы и декорации к театральным постановкам («Снегурочка»), работал в области иллюстрации (рисунки к «Песне про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова и др.), религиозной живописи, архитектуры (фасад здания Третьяковской галереи в Москве и др.). На

передвижных выставках выступал с 1874 по 1889 г. и в 1897 г. (с 1878 г. – член Товарищества). Был участником выставок «36 художников» и «Союза русских художников».

Картина В. М. Васнецова « *Битва славян со скифами* » (1881) находится в Государственном Русском музее.

Леман Юрий Яковлевич (1834–1901) – живописец-портретист и жанрист. Окончил петербургскую Академию художеств. Жил большей частью в Париже, писал главным образом женские портреты салонного характера. На передвижных выставках участвовал в 1879–1901 гг. (с 1881 г. – член Товарищества).